Судя по рассадке в зале, было видно, что среди этой группы людей священник имел самый высокий статус.

После твёрдой команды «отпустить» даже рыцари не стали спорить; они мрачно отошли в сторону. Оковы Гаррета тут же ослабли, и он, спотыкаясь, поднялся на ноги, кивнув священнику в знак признания. Затем он на четвереньках пополз к ребенку.

«Хм! Как невежливо…»

Рыцарь усмехнулся. Священник прервал его тихим голосом: «Молчи, смотри!»

Время, выбранное Гарретом, было как нельзя лучше. Всего в нескольких шагах мальчик, чья шея была перерезана, проснулся, словно ото сна, его конечности тряслись, и он разрыдался. Несмотря на жестокость его плача, он не издавал ни звука, что только усиливало панику ребенка. Слёзы текли, тело тряслось в конвульсиях, казалось, он снова был на грани потери сознания.

В этот момент ворвался Гаррет. Он бросился на ребенка, надавив на его ноги, чтобы обездвижить их. Затем он схватил ребенка за руки, успокаивающе поглаживая его по лицу, неоднократно успокаивая: «Не бойся, с тобой все в порядке, с тобой все в порядке… Просто вздохни, и все будет в порядке… Не надо» Не бойся, следи за своим дыханием, вдох… выдох… вдох… выдох…"

Его голос переходил от высокого к низкому, от быстрого к медленному, полный искреннего беспокойства. Ему удалось успокоить ребенка, который, широко раскрыв глаза, начал дышать вместе с ним. Вдох, выдох, вдох, выдох…

Вскоре судороги утихли. Несмотря на непрекращающуюся боль в шее, ребенок жалобно хныкал, но выглядел гораздо спокойнее.

Этого не было в хирургических текстах или руководствах по лечению. Этому приему научил Гарретта наставник из его предыдущей жизни, руководитель отделения неотложной помощи: при выполнении трахеотомии без анестезии всегда после этого успокаивайте пациента! Пациент задыхается и внезапно перерезает шею, из-за паники резко возрастает потребление кислорода. Без надлежащей уверенности шок может наступить в любую минуту.

…А также успокойте семью и зрителей… В противном случае, пока вы отложите скальпель, вас может избить группа самодовольных граждан или даже надеть наручники в полицию. Лучше предвидеть такие события.

Мысли Гаррета кружились, наполненные бесчисленными эмоциями. Дело не в том, что он забыл совет своего наставника; у него просто не было такой возможности, прежде чем рыцарь отправил его в полет. К счастью, рыцарь проявил милосердие и не стал сразу убивать его. В противном случае ему, возможно, пришлось бы пройти еще раз.

Думая о рыцаре, Гаррет услышал, как он говорит позади себя. Голос был приглушен, словно шептал находившемуся рядом священнику:

«Можешь ли ты спасти кого-нибудь, перерезав ему шею?»

«...Я никогда раньше не видел такого обращения», - ответил священник. Возможно, из-за того, что он занимался магией, голос священника был безмятежным и мелодичным, заметно отличающимся от глубокого, хрипловатого голоса рыцаря. Даже если бы Гаррет встретил их только сегодня, он легко мог бы различить их голоса:

«Но он вполне уверен в себе. И ребенок больше не задыхается. Несмотря на порез на шее, немедленного прилива крови не было...»

Конечно, нет. С анатомией шеи я знаком ещё с университета. Если бы по какой-то случайности он перерезал сонную артерию во время крикотиротомии, я бы с таким же успехом пошел на встречу со своим создателем!

Гаррет молча проворчал.

Утешив ребенка на руках, он вздохнул с облегчением и выпрямился. Священник с интересом наблюдал за происходящим. Когда Гарретт остановился, священник не мог не спросить:

— Сейчас все в порядке?

«Так лучше», — ответил Гаррет, слегка запыхавшись. Оглядевшись, не найдя того, что искал, он преклонил колени и крикнул толпе:

«Трубка! Прочная и чистая! — Быстрая!»

«Вы это слышали? Крепкая трубка! Чистая! Скорей найдите!»

Ответил глубокий голос. Гарретт взглянул и увидел, что дядя Эдмунд, фермер, который их приветствовал, взял на себя управление. По его команде помчались семь-восемь человек, явно в поисках чего-то.

Гарретт почувствовал небольшое облегчение. Он повернулся и увидел фермершу, заплаканную и нерешительную, желавшую подержать ребенка, но боявшуюся это сделать. Он вздохнул и нежно спросил ее:

«Когда ребенок почувствовал себя плохо?»

«За ужином… потом стало еще хуже, и я…»

Примерно через час после появления симптомов. Гаррет мысленно отметил график и продолжил: «Что он ел на ужин? Пил? Что-нибудь необычное?»

«Черный хлеб, фасоль… Мы ели все вместе, каждый день, раньше проблем не было…»

«Он трогал что-нибудь необычное? Какие-нибудь картины поблизости? Собирал какие-нибудь фрукты? Трогал какие-нибудь цветы?»

Терпеливо Гаррет продолжил допрос. Он привык исследовать аллергены — от диеты до окружения, расспрашивать обо всем странном, о том, трогали ли они, нюхали ли они что-нибудь необычное. Каждая деталь имела значение.

Однажды, спасая пациента с тяжелой аллергией, они обнаружили, что аллергеном был пух персика, который пролетел мимо, когда пациент проходил мимо фруктового ларька...

Аллергия на персиковый пух.

Превращение врача в звездного детектива.

Говоря тихо, задавая вопрос за вопросом, фермерка покачала заплаканной головой. Спрашивая, Гаррет также сосредоточил половину своего внимания на ребенке и ответил на вопрос священника:

«Зачем тебе трубка?»

«Чтобы ввести в дыхательные пути! — Где трубка? Почему ее еще нет?»

"Приближается!"

Кто-то выбежал из кухни. Левая рука жестикулирует наружу, показывая, требуя пространства, а правая держит что-то вверху. Тяжело дыша, они сунули его в руку Гаррету:

«Трубка здесь! Проверьте, пригодна ли она к использованию! — Я ее тщательно почистила!»

Гарретт опустил взгляд. В его ладони лежала кость куриной ножки, разрезанная с обоих концов, чтобы обнажить полую внутреннюю часть. Взглянув на кость, он увидел, что костный мозг почти полностью вычистился из центра, позволяя свету свечи проникать через другой конец.

...Сгодится, как временное решение.

Никакой стерильной упаковки, никаких одноразовых эндотрахеальных трубок из ПВХ, даже бамбука (вероятно, не произрастающего в этом регионе), только полая куриная кость. На данный момент этого должно хватить.

Гарретт пожал плечами. Проведя большим пальцем по краю кости, он нахмурил бровь и протянул ее обратно:

«Край слишком острый. Сгладьте его».

"Этот..."

Дядя Эдмунд колебался. Кто-то деликатно протянул руку, священник взял куриную кость из ладони Гаррета и передал ее рыцарю рядом с ним:

— Роман, помоги.

Рыцарь Роман слегка нахмурился. Не говоря ни слова, он взял кость, потирая край подушечкой большого пальца, затем перевернул ее и сделал то же самое. Осколки костей упали, а острые порезы кухонного ножа заметно сгладились.

С широко раскрытыми глазами Гарретт не мог не воскликнуть тихо.

Прямо используя для этого свои руки!

Большой палец как точильный камень!

Просто нежное потирание!

Неужели рыцари в этом мире настолько сильны физически?

Прежде чем он успел закрыть разинутый рот, священник вернул ему отшлифованную кость. Проходя мимо, он с любопытством спросил:

«Ввести в дыхательные пути? Как? Почему?»

«—Ух ты! Он действительно входит!»

http://tl.rulate.ru/book/106455/3810606